

УДК 1

DOI 10.19181/2227-8656.2020.1.10

**ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭКСПЛИКАЦИЯ
ПОНЯТИЯ «ЛИЧНОСТЬ»
СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ
СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА**

**PHILOSOPHICAL
AND ANTHROPOLOGICAL
EXPLICATION OF THE CON-
CEPT OF “PERSONALITY”
THROUGH THE PRISM
OF HUMAN EXISTENTIAL
FREEDOM**

Холодова Алиса Анатольевна

Аспирант,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия,
e-mail: ligauniform@gmail.ru

Alisa A. Kholodova

Postgraduate Student,
Platov South
Russian State Polytechnic
University (NPI),
Novocherkassk, Russia,
e-mail: ligauniform@gmail.ru

В статье представлена философско-антропологическая экспликация личности в контексте экзистенциальной свободы человека. Анализируются экзистенциальная свобода как базис понимания целостной личности и социокультурные детерминанты конституирования человеческой свободы. Показано, что свобода личности может быть реализована как в направлении большего удовлетворения своих природных склонностей либо в сторону преодоления этих самых склонностей и желаний, но может быть основана на поиске баланса между первыми и вторыми детерминантами человеческого существования.

The article presents the philosophical and anthropological explication of personality in the context of human existential freedom. Existential freedom as a basis for understanding an integral personality and the sociocultural determinants of the constituting of human freedom are analyzed. It is shown that personal freedom can be realized either in the direction of greater satisfaction of one's natural inclinations or towards overcoming these same inclinations and desires, but can be based on the search for a balance between the first and second determinants of human existence.

Ключевые слова: личность; экзистенция; **Keywords:** personality; existence; freedom; свобода; человек; культура. man; culture.

Введение

Становление *целостной личности* предполагает в качестве важного условия её формирования опыт свободы, который, однако, должен научить человека правильно поступать в необходимой ситуации, т. е. в ситуации, когда сами обстоятельства побуждают действовать определённым способом. Поэтому свобода личности не должна переходить в произвол, который способен разрушить паттерны, необходимые для нормальной социализации индивида в динамичном пространстве человеческой культуры (Квасова, 2009). В то же время личность человека нельзя полностью редуцировать к социально-ролевой модели поведения (например, профессиональной или классовой), которая детерминирует бытие человека. Поскольку свобода человека и личности не может быть абсолютной, то мы полагаем, что её необходимо рассматривать как непрекращающийся процесс гармонизации бытия на стыке культуры и экзистенции (Глаголев, 2014).

Кристаллизация понятия «личность» в его современном значении и представлении о целостной, гармоничной личности, свободно формирующей свою культурную идентичность, находится в тесной связи с глобальным развитием самой человеческой субъективности. Но по мере усиления человека в качестве такого «властного» субъекта его существование становится всё более дисгармоничным, особенно учитывая ослабление влияния религиозных институтов, которые выполняли функцию гармонизации его отношений с природой, космосом, жизнью и смертью. «Отныне быть субъектом – это привилегия человека, эта его самая важная характеристика как мыслящего и представляющего существа. Человек отныне не просто мера всех вещей, а человек как субъект *cogitatio*, то есть он сам делает себя тем, кто задает меру всех мер, кто определяет, что считать достоверным, истинным и сущим» (Долгов, 1990. С. 74). Вместе с тем радикальный антропоцентризм современной цивилизации, характеризующийся захватом мира природы, технократическим наступлением на среду обитания всего живого, производит дополнительные серии антропологических рисков и угроз существованию человека и его персональной идентичности. С другой стороны, необходимо учитывать, что человеческий вид обладает высоким запасом прочности и одновременно пластичности в условиях трансформации как культуры, так и природного окружения.

Экзистенциальная свобода как базис понимания целостной личности

В рамках философского экзистенциализма, однако, были поставлены этические проблемы, связанные с поведением человека в современном мире. Таким образом, человек в фундаментальном смысле и в дальнейшей перспективе продолжает оставаться моральным существом. Другое дело, что в контексте либерализации современной культуры возрастает индивидуальная ответственность человека за тот или иной этический выбор. В данной связи С. Кьеркегор утверждал, что каждой личности «действительно предстоит выбор: или-или, что отнюдь не безразлично, как употребит человек свою молодость. Ты понял бы также, что главная задача человека не в обогащении своего ума различными познаниями, но в воспитании и совершенствовании своей личности, своего “я”» (Кьеркегор, 1994. С. 232–233). Развитие гармоничной личности (или многомерного я) становится не только приоритетной жизненной практикой интеллектуала, но и занятием, способным отвлечь от чрезмерной обращенности человека на внешнюю экспансию в ущерб внутреннему самопознанию.

При этом важно понимать, что гармоничная целостная личность, в отличие от фрустрированной личности, страдающей неврозами, по-прежнему остаётся привилегией тех людей, которые способны к сбалансированной жизни и постоянному саморазвитию. «Личность может быть определена, – писал Н.А. Бердяев, – как единство в многообразии, единство сложное, духовно-душевно-телесное. Отвлеченное духовное единство без сложного многообразия не есть личность. Личность целостна, в нее входят и дух, и душа, и тело» (Бердяев, 2007. С. 342). Поэтому забота о собственном теле и его развитие также играют существенную роль в формировании личностной идентичности, гармонизации отношений человека с окружающей средой и другими людьми. В противном случае, когда в дискурсах о личности полностью игнорируется телесность человека, они приводят к крайним формам спиритуализма, переходящего в мистицизм.

Однако в контексте развития идей романтизма сама культура была осознана в своих негативных аспектах, противостоящих осуществлению свободы человеческой личности. Общественный характер человеческого существования также стал связываться с подавлением самостоятельной личности, стремящейся в большей степени культивировать природные основания своей жизнедеятельности. «Бунт против социальности, в ходе которого Руссо и романтизм после него открыли

пространство интимного, был направлен прежде всего против её нивелирующих черт, против того, что мы нынче зовём конформизмом и что по сути является признаком всякого социума» (Арендт, 2017. С. 53). Таким образом, открытие романтизма было напрямую связано с рассматриваемой нами темой в том смысле, что под личностью стал пониматься индивид неконформистского типа.

Поэтому несомненно, что представление о целостной личности в европейской культуре было сформировано под воздействием паттернов романтизма и с самого начала выступило в качестве ориентации на большую степень индивидуализации человека (от государства и общества), а также обращения пристального внимания на то, что именно роднит (а не разделяет) человека со всей окружающей природой и космосом. Таким образом, ещё очевиднее стала просматриваться точка напряжения, возникающая между природными желаниями и культурными требованиями человеческой цивилизации. Но при этом всё же правильным будет признать, что желание вернуться в природу, выражающееся в стремлении к переживанию естественности окружающего мира, как и желание наслаждаться телесностью, является важной экзистенциальной тенденцией, в той или иной степени проявляющейся во всем человеческом роде, причём даже на довольно высоком уровне развития технологий. Тем более рассматриваемая тенденция была обнажена в романтизме, когда речь зашла об эгалитарной культуре, «штамповке» и массовом распространении определенных взглядов и представлений.

В результате модернизации и просвещения человечества в Новое время был осознан манипулятивный аспект культуры, вернее, способность манипулировать людьми посредством внедрения в общественное сознание тех или иных социокультурных паттернов. Этот процесс тем более только усилился в период появления и распространения массовой культуры. Так, например, ещё французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо критиковал науку, искусство и мораль за то, что данные формы культуры «покрывают гирляндами цветов железные цепи, коими опутаны эти люди; подавляют в них чувство той исконной свободы, для которой они, казалось бы, рождены; заставляют их любить своё рабское состояние и превращают их в то, что называется цивилизованными народами» (Руссо, 1969. С. 12). Таким образом, развитие цивилизации несёт в себе угрозу ещё большего отрыва человека от природы и в значительной степени препятствует осуществлению свободной витальности в рамках удовлетворения наиболее естественных потребностей и получения радостей жизни.

Стремление к порядку и дисциплине является одним из показателей роста личности. Поэтому можно сделать предварительный вывод о том, что гармоничная личность есть та личность, которая отвечает за свои поступки, некое вменяемое лицо, причём также в определенных (например, в нравственных) действиях строго не совпадающее со своими социальными ролями и привычками, продиктованными культурой. Таким образом, личность оказывается способной даже нарушать табу. «Человека называют господином своих поступков потому, что у него есть свобода решения» (Фома Аквинский, 2000. С. 377). Эта самая свобода решения, о которой писал ещё великий схоласт Средневековья, распространяется на выбор возможных социокультурных сценариев. Поэтому чем перед человеком стоит реально больший (а не иллюзорный) выбор, кем ему быть, тем сильнее будет проявляться в нём личностное начало. В целом увеличение свободы выбора, когда человек может выбирать (порой различные) жизненные сценарии и стили существования, является культурным фактором роста самосознания личности.

Но вместе с тем экзистенциальным драйвером развития личности выступает фундаментальная неудовлетворенность человека собой и окружающей действительностью. В той или иной степени люди всегда стремятся к возрождению, объединению с природой, озабочены поисками трансцендентного «другого» и заняты самопознанием. Во многом именно неудовлетворенность человека наличным бытием выступает источником его свободы, вернее, её поиска, стремления быть свободным. «Человек, обладая свободой, есть открытый самотрансцендирующий проект, самостоятельно ведущий свою жизнь и постоянно выходящий за пределы своего наличного “я”. Неудовлетворенность собой выступает источником непрерывного стремления человека к самообновлению, что приводит к постоянной смене форм жизни и культуры как специфического способа самоосуществления человека» (Волохова, 2019. С. 227–228). Самоутверждение является важным аспектом формирования целостной личности, занятой реализацией собственного проекта. Способность постоянно преодолевать собственные границы в первую очередь характеризуется личностными качествами современного человека, по крайней мере она играет важную роль в совокупности его ценностных ориентаций и культивируется на уровне идеальных представлений.

Таким образом, в определенном смысле свобода личности в качестве креативного субъекта становится ключевой ценностью современной культуры и её отличительным маркером по сравнению с про-

шлыми историческими эпохами. Вместе с тем под вопросом остаются контуры новой гармонии, которую личность может обрести, балансируя между природой и культурой. То есть речь идёт о том, какой вектор развития выберет современная цивилизация и найдётся ли в ней место для романтического мироощущения прошедших исторических эпох.

Социокультурные детерминанты конституирования человеческой свободы

Скорее всего, сегментированная культура предоставит различные сценарии и способы такой организации, причём в широком спектре включающие в себя как консервативные (традиционалистские), так и гипермодернистские практики (радикальное изменение природы человека). «Быть человеком значит выходить за пределы самого себя. При этом самотрансцендирование свободы личности должно эксплицироваться как активная и продуктивная творческая реализация позитивной свободы личности и не связываться с темой сверхъестественного начала, находясь в рамках позиции философско-антропологического реализма» (Волохова, 2019. С. 228). Важно, однако, понимать, что понятие «личность» в современной философии и других гуманитарных дисциплинах в целом заменяет понятие «душа», только в отличие от бессмертной души, постулируемой, например, в христианской антропологии, личность – есть некая относительно свободная во времени сущность (возникающая из совокупности общественных отношений – труда и культурного обмена), способная к перспективному развитию, но бессмертная судьба которой в принципе неизвестна.

В культуре были зафиксированы разные образы человеческой свободы «для» и свободы «от», имеющие также свои разновидности. Таким образом, «титанические» усилия человека по обретению этой самой свободы ставят его перед вопросом, какой именно свободы он желает достичь. Является ли свобода личности результатом прогрессирующего господства над природой либо же само это пресловутое господство представляет собой неизбежный итог («безвыходного», «окончательного») порабощения человека техникой, т. е. является диагнозом нового закрепощения, в контексте которого человек окончательно утрачивает гармонию с природой? Или, может быть, техника является инструментом гармонизации отношений с собственной природой на новом витке технологического развития. Поэтому здесь опять же необходимо говорить о взаимодействии и необходимом участии в судьбе человека как экзистенциальных, так и социокультурных аспектов его жизнедеятельности.

Процесс гармонизации личностной свободы в условиях поздней современности тесно связан с экспансией информационного общества, которая втягивает индивида в непрекращающийся цикл виртуальной социализации. Вполне очевидный характер приобретают сетевые аспекты жизнедеятельности человека, что оказывает влияние на подвижность и пластичность его культурной идентичности. В результате современный индивид склонен мыслить собственное сознание как аппарат для производства разнообразных клипов. «Можно сказать, что с ростом и развитием информационно-коммуникационных технологий такое явление, как киберсоциализация (виртуальная социализация), стало неотъемлемой частью социализации личности, так как глобальная сеть Интернет охватывает все сферы жизни человека» (Болдакова, 2005). В данной связи нет ничего удивительного, что личностное ядро многих современных людей практически было сформировано в результате воздействия информационных технологий. В целом можно сделать вывод, что процесс формирования целостной личности в рамках современной культуры сталкивается с цифровизацией человеческого бытия (Силантьева, 2016, 2017).

Несомненно, что человек современной эпохи стал в ещё более зависимое положение от повседневной/потребительской культуры, а также перманентной коммуникации в рамках глобальных цифровых сетей. Ведь, по справедливому замечанию У. Бека, «природа уже не может быть понята без общества, а общество без природы... общество со всеми его системами – экономической, политической, семейной, культурной – в современном мире уже нельзя воспринимать как нечто автономное» (Бек, 2000. С. 98). Неслучайно значительное распространение получают радикальные трансгуманистические проекты, в которых в ницшеанском духе обосновываются футуристические проекты преодоления человеческого, идёт речь о замене человека киборгом.

Итак, историческое понимание личности претерпело вполне определенные изменения, обусловленные в целом развитием человеческих технологий (производительных сил, согласно марксистской традиции). Так, например, если в прошедшие исторические эпохи личность (персона) понималась как вполне определенная социальная маска, то в Новое время было сформировано представление о целостной личности как интегративной категории, позволяющей человеку в интересах собственного развития активно конструировать социокультурные идентичности, вместе с тем вырабатывая способность к духовной дистанции от предписанных статусов и выбранных ролей. Таким образом, были также сформированы паттерны мультиморального отноше-

ния к действительности, в целом произошло глобальное признание возможности нравственных императивов иных культур и конструирование собственной внутренней этики отношения к реальности на основе свободного выбора.

В эпоху поздней современности понимание свободы человека, осмысленной в терминах персоналистических ценностей, всё в большей степени стало сдвигаться в сторону признания прав отдельного индивида, в особенности к его стремлению к обретению счастья в приватной жизни. Исследователи и историки культуры справедливо отмечают, что «от эпохи к эпохе человек становился все более свободен от жесткого социального подавления и контроля над своим сознанием и поведением; как в публичной, так и тем более в приватной жизни и личностной культуре он обретал все большую независимость» (Флиер, 2013. С. 40). Вместе с тем возрастала экономическая зависимость отдельного индивида от процессов продолжающегося разделения труда, что также повлекло разрушение прежних профессиональных корпораций или по крайней мере изменило на современный манер и скорректировало их существование.

В современных философских концепциях (экзистенциализм, персонализм) именно свобода интерпретируется как необходимый компонент самопроектирования личности, а сама персональность понимается как неотъемлемое благо и привилегия человека быть свободным. Ведь в современном гуманитарном знании под личностью понимается не отдельная социальная маска, пускай и превратившаяся во вторую натуру человека, а его способность оставаться верным своему выбору (сохранять присутствие духа) в самых разнообразных, в том числе критических и рискованных, ситуациях. Бытие личности, таким образом, является таким концептом, который во многом выступает как наследник человеческих представлений о бессмертной душе.

Вместе с тем гармоничная личность не является строго эгоистическим субъектом, поскольку, напротив, ориентирована на позитивный диалог с «другими» (или даже с «другим»), в связи с чем можно сказать, что личность – диалогическая категория, которой для саморазвития нужно другое лицо (чтобы смотреться в него как в зеркало и узнавать себя в лице «другого»). Именно подобного взгляда на личность придерживались представители персоналистической философии, которые в целом стремились к синтезу положений экзистенциализма с теориями и практиками формирования социальной солидарности, включая марксизм. «Если индивид стремится замкнуться в себе, – как об этом писал Ж. Лакруа, – то личность тяготеет к открытости. Стать

личностью – значит отдать должное индивидуальному моменту в самом высоком значении этих слов. Значение это определяется этикой, то есть объединением с другим и его уважением. Нравственное сознание – это *признание другого*, оно определяется открытостью людей и диалогом» (Лакруа, 2004. С. 31). Поэтому замкнутая на себе личность в определенном смысле вовсе не является таковой, если она игнорирует интересы и потребности других членов общества.

Заключение

Современные дискурсы о личности, несомненно, связаны с особой глубиной человеческого существования и его бессознательных структур, скрытых от прямого видения со стороны, чья рационализация требует соответствующих психоаналитических процедур и способов регуляции поведения. В данной связи в контексте психоаналитических в широком смысле исследований подразумевается, что в процессе коммуникации может существовать само обращение (например, с просьбой или даже мольбой о помощи) к конкретному человеку не как к представителю своего рода или социальной группы, но именно как к автономной личности, способной действовать спонтанным образом.

Не секрет, что свобода личности, как и представления о гармонии человека с собой, другими и природой, во многом зависима от истории культуры и цивилизации. Пожалуй, космополитизм современной культуры существенно стимулировал представления о личности как существе, ориентированном в большей степени на принятие индивидуально значимых решений. Поэтому собственно личность, чтобы гармонизировать своё бытие, должна уметь правильно оценивать объективную необходимость, согласовываться с её требованиями на более выгодных для себя условиях. Для этого требуется не только соответствующая подготовка человека, но и соответствующая культура воспитания личности, внедряемая посредством ряда ведущих социальных институтов. Гармонизация личности, таким образом, предполагает упорядочение внутреннего мира человека, включающего в себя также практики релаксации.

В целом личность в современной культуре стала пониматься как своего рода глубинная сущность индивида, вбирающая в себя довольно устойчивые паттерны (архетипы) бессознательного. Поэтому личностное ядро человека может быть в принципе укрыто от внешних воздействий агрессивного характера со стороны социума в отношении её внутренней свободы и моральной автономии. Однако постулирование такого глубинного уровня (одного из аспектов личности) может приводить к коллизиям, например, когда от человека по каким-то при-

чинам требуется сделать то, что в принципе противоречит общим законам, обычаям и традициям. Тем более что целостная личность обладает высоким уровнем автономии в культурном и моральном плане. Отсюда можно сделать вывод, что личность не может рассматриваться только лишь как юридическое, правовое понятие.

Таким образом, свобода личности может быть реализована как в направлении большего удовлетворения своих природных склонностей либо в сторону преодоления этих самых склонностей и желаний, но может быть основана на поиске баланса между первыми и вторыми детерминантами человеческого существования. Другое дело, что, возможно, сама человеческая природа подверглась необратимым изменениям со стороны требований ценностной надстройки общества, как, впрочем, и появление многих человеческих желаний, спровоцированных доминирующей культурой.

Литература

Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем, 2017.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бердяев Н.А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения. М.: АСТ, Хранитель, 2007.

Болдакова И.А. Основные риски киберсоциализации молодежи // Концепт. 2015. Т. 37. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>.

Волохова Е.В., Несмеянов Е.Е., Руденко А.М. Философия свободы человека в современной культуре. Новочеркасск: Лик, 2019.

Глаголев В.С. Ценность личности и её творческий потенциал // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 229–234.

Долгов К.М. От Кьеркегора до Камю: очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М.: Искусство, 1990.

Квасова И.И. Личность в культуре, культура в личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. 2009. № 4. С. 5–14.

References

Arendt, H. (2017). Vita activa or on active life. M.: Ad Marginem. (in Russian).

Beck, W. (2000). Risk Society. On the way to another Art Nouveau. Transl. from German by B. Sedelnik, N. Fedorova. M.: Progress-Traditsiya. (in Russian).

Berdyayev, N.A. (2007). Spirit and reality: Fundamentals of divine-human spirituality. Me and the world of objects: An experience of the philosophy of loneliness and communication. M.: AST, Khranitel. (in Russian).

Boldakova, I.A. (2015). The main risks of cyber socialization of youth. *Kontsept*, 37. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>. (in Russian).

Volokhova, E.V., Nesmeyanov, E.E., Rudenko, A.M. (2019). The philosophy of human freedom in modern culture. Novocherkassk: Lik. (in Russian).

Glagolev, V.S. (2014). The value of personality and its creative potential. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2 (35), 229-234. (in Russian).

Dolgov, K.M. (1990). From Kierkegaard to Camus: Essays on European philosophical and aesthetic thought of the 20th century. M.: Art. (in Russian).

Kvasova, I.I. (2009). Personality in culture, culture in personality. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Sotsiologiya*, 4, 5-14. (in Russian).

Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев: AirLand, 1994.

Лакруа Ж. Избранное: персонализм. М.: РОССПЭН, 2004.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969.

Силантьева М.В. Коммуникация как способ трансляции интенционального опыта локальных культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5, № 4. С. 49–55.

Силантьева М.В., Шестопал А.В. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1. С. 11–23.

Флиер А.Я. История культуры: от инстинкта к обычаю, от обычая – к свободе // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 17–28.

Фома Аквинский. Сумма против язычников. Долгопрудный: Вестком, 2000. Кн. 1.

Kierkegaard, S. (1994). Pleasure and duty. Kiev: AirLand. (in Russian).

Lacroix, J. (2004). Favorites: Personalism. M.: ROSSPEN. (in Russian).

Russo, J.-J. (1969). Treatises. M.: Nauka. (in Russian).

Silantieva, M.V. (2016). Communication as a way of translating the intentional experience of local cultures. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*, 5, 4, 49-55. (in Russian).

Silantieva, M.V., Shestopal, A.V. (2017). Anthropological and value bases of communication: theoretical and applied aspects. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, 1, 11-23. (in Russian).

Flier, A.Ya. (2013). History of culture: from instinct to custom, from custom to freedom. *Istoriya i sovremennost'*, 2 (18), 17-28. (in Russian).

Thomas Aquinas. (2000). Sum against the pagans. Dolgoprudny: Vestkom, book 1. (in Russian).

Поступила в редакцию

13 ноября 2019 г.